

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук
О.В. Голубевой
«Теория эвиденциальности выводного знания:
психолингвистический подход»
(специальность 10.02.19)

Диссертационное исследование О.В. Голубевой посвящено, как пишет сам диссертант, «изучению феномена выводного знания <...> как необходимого внутреннего источника информации в процессе осуществляемой в естественных условиях речемыслительной деятельности» (с. 5). Данное исследование, проведенное с опорой на достижения собственно лингвистики, логической лингвистики, психолингвистики, коммуникативистики, семиотики, психологии понимания и ряда других научных дисциплин, прекрасно вписывается в современную парадигму «постнеклассической» (по В.С. Степину) науки. В связи с этим работа О.В. Голубевой приобретает особую актуальность, которая обуславливается также и «неослабевающим на протяжении многих лет интересом в ряде отраслей науки к проблеме ВЗ» (выводного знания), в том числе – к изучению «феномена имплицитного компонента значения, процесса формирования вторичных значений единицы языка» (о чем пишет сам диссертант на с. 5).

Объектом исследования является «ВЗ как имплицитный внутренний источник релевантной “для меня – здесь –сейчас” информации, составляющий субъективно важный смысловой потенциал, передаваемый единицей языка» (с. 7). Предметом исследования – «эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка с опорой на широкий круг языковых и энциклопедических знаний» (там же). Цель своего исследования О.В. Голубева видит в «теоретическом и экспериментальном обосновании эвиденциальности смыслового переживания значения, базирующегося на выводимых “свидетельствах”» прежнего опыта, интегрирующих языковые и энциклопедические знания» (с. 9). Сразу подчеркну, что данная цель была в целом достигнута. В ходе исследования диссертант решил ряд конкретных исследовательских задач (сформулированы на с. 9) и проанализировал богатый материал, полученный в результате проведенных им психолингвистических экспериментов. На основе анализа автору удалось сделать ряд интересных наблюдений, которые представлены в работе.

Научная новизна проведенного О.В. Голубевой исследования, его теоретическая и практическая значимость (с. 12–13) не вызывают ни малейших сомнений. Положения, выносимые на защиту (с. 10–11), не вызывают концептуальных сомнений. Рабочая гипотеза, сформулированная автором на с. 8–9, представляется вполне обоснованной и в целом доказанной в результате осуществленного научного изыскания. (В скобках замечу, однако, что формулировка гипотезы, представленная на с. 176, представляется мне более удачной.)

Работа хорошо структурирована, она включает в себя Введение, три Главы, Заключение, Список литературы (размещен на с. 313–345), включающий наименования научных изданий и словарей на русском и английском языках, а также «список источников фактического материала», подвергнутого анализу.

Введение дает общее представление о работе, в нем обосновываются актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, определяются объект, предмет и цель научного изыскания, а также методы и материал исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, и базовая гипотеза исследования.

В первой Главе диссертационного сочинения О.В. Голубевой «Теоретические основы исследования процесса формирования выводного знания» (с. 14–136) содержится подробный обзор теоретических и методологических предпосылок исследования, разно-

сторонне рассматривается базовое понятие исследования – выводное знание (ВЗ) – с учетом основных подходов к изучению процесса понимания с опорой на ВЗ: когнитивного, инференционного, герменевтического, психологического, логико-семантического. При этом автор демонстрирует широкую эрудицию и глубокое понимание излагаемых концепций.

Во второй Главе диссертации «В поисках теории понимания с опорой на выводное знание» (с. 137–192) рассматриваются основы теории эвиденциальности выводного знания. При этом основное внимание уделяется имени собственному с точки зрения этимологии имен (с. 139–151); с точки зрения гендерной принадлежности носителя имени, рассматриваемой сквозь призму грамматических показателей рода, словообразовательных моделей и под. (с. 153–162); с учетом социо-культурных факторов функционирования имен (с. 165–167); представляются некоторые результаты серии экспериментов, проведенных со студентами Смоленского государственного университета (с. 171–172); с опорой на теоретические положения и практические результаты исследования обосновывается сама теория эвиденциальности выводного знания (с. 174–186); представляется «метод реконструкции процесса понимания с опорой на выводное знание» (с. 187–191).

В третьей Главе «Экспериментальное исследование процесса понимания слова / текста с опорой на выводное знание» (с. 193–309) излагаются требования и условия проведения экспериментов (с. 193–194), описываются процедуры проведения экспериментов и обработки данных, полученных в ходе их проведения (с. 195), кратко представляется материал исследования (с. 194); представляются «предпосылки опоры на выводное знание в процессе понимания» (с. 196–200); подробно рассматриваются конкретные результаты, полученные диссертантом в ходе проведенных им экспериментов (с. 201–307).

Каждая глава завершается конкретными выводами.

Заключение содержит основные выводы проведенного О.В. Голубевой исследования.

К числу безусловных удач автора рассматриваемого научного изыскания следует, на мой взгляд, отнести следующее:

- выдвинутую автором и в целом доказанную проведенным исследованием гипотезу, которая рассматривает опору на выводное знание как «эвиденциальное смысловое переживание», как «процедуру вывода-объяснения “для меня – здесь – сейчас”, которая активизирует внутренний причинно-смысловой потенциал (сеть релевантных смысловых опор)» (с. 176);
- попытку сформулировать наряду с основной гипотезой (пусть не всегда столь же удачно) ряд частных гипотез (с. 201, 211, 212, 220, 242, 262);
- определение эвиденциального смыслового переживания (1) как «результата переработки перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта субъекта», который «постоянно задействуется в ходе осуществления познавательной и коммуникативной деятельности», и (2) как «субъективно сформированный имплицитный объяснительный потенциал» (с. 178);
- выявление на основе экспериментальных данных и описание «процесса понимания значения слова / текста с опорой на имплицитный причинный потенциал (эвиденциальное смысловое переживание значения)» (с. 312);
- выводы, сделанные диссертантом на основе анализа научной литературы, в которой «в рамках когнитивного направления в семантике и лингвокультурологии» представлены различные «трактовки процесса интерпретации» (с. 32–33);
- обобщение на основе анализа научной литературы различных подходов к феномену понимания, наглядно представленное в таблице 1 на с. 82;
- выявление основных параметров «характеризации феномена пресуппозиции» на основе анализа научной литературы, наглядно представленных в таблице 2 на с. 99.

Даже самое общее представление исследования О.В. Голубевой свидетельствует о теоретической значимости и практической ценности обсуждаемой диссертации, которые, как уже говорилось, не вызывают сомнений.

Следует отметить, что диссертант точно определил цель исследования, сформулировал ряд задач, обусловленных данной целью, успешно их решил и получил валидные результаты, позволившие сделать интересные и важные выводы. Другими словами, О.В. Голубева полностью и на должном уровне выполнила диссертационное исследование, оформленное в виде диссертации, которая вынесена на защиту.

Вместе с тем в процессе внимательного чтения данной работы у меня возникло много вопросов и замечаний, часть из которых была спровоцирована, вероятно, авторским стилем изложения: сложным и подчас, признаться, для меня путаным. Будучи ограниченной жанром отзыва, я, конечно, остановлюсь лишь на некоторых из них, наиболее для меня значимых.

1. Некоторое недоумение вызвала у меня Глава 2 «В поисках интегративной теории понимания с опорой на выводное знание» (с. 137–192), поскольку значительная ее часть представляет собой изложение материалов, представленных на сайте www.behindthename.com, на который диссертант неоднократно ссылается: например, этимология имен, грамматические показатели имен, некоторые этнические особенности – зачем все это было нужно и какое отношение все это имеет к основной теме диссертационного исследования?

1) Я совершенно не поняла, зачем нужно было представлять столь развернутый этимологический материал (в п. 2.1.1, конкретно – на с. 139–147). И автор меня не убедил в том, что этимология имен собственных, коренящаяся в различных культурах (в том числе и мертвых, см. примеры на с. 143), актуальна для современного носителя языка и что она составляет хоть какую-то основу «концептуализации имен», актуальную сегодня. В силу этого утверждение диссертанта: «Имя как единица языка становится своеобразным символом, который имплицитно несет в себе нелинейную концептуальную основу, обнаруживающую прототипическое ядро, (стереотипное/идеальное) представление и обширный концептуальный фон знаний о потенциальном носителе, выступающий основой интерпретации» (с. 151), – не кажется мне убедительным. Разве знание того, что *George* происходит от греческого слова, обозначающего ‘земледелец’ (с. 143), обуславливает мое «представление» о «потенциальном носителе» данного имени? Не менее спорным видится мне и другое достаточно категоричное утверждение диссертанта, высказываемое им на с. 196 (это уже гл. 3): «Исследование передаваемого именем человека концептуального содержания на базе этимологии единиц англоязычного антропонимикона и групп древнерусских и старославянских имен [никаких собственно имен, кстати, в работе нет: на с. 145–146 с опорой на словари-справочники приводятся списки словообразовательных компонентов, который могли использоваться при образовании имен – В.К.] позволило выделить глобальные [? – В.К.] когнитивные контексты осмысления ядерных характеристик объекта [современного? – В.К.], ставших основой имяназвания [кого? – В.К.], и воссоздать целостное представление [чьё? – В.К.] о структуре этого концептуального образования [имени собственного? – В.К.]».

2) Далее, я абсолютно не поняла, как с точки зрения источника имени и его опять-таки актуальности для современного человека можно рассматривать в одном ряду имена типа *Charles, Berry, John, Thomas*, имеющие долгую историю и затемненную, как представляется, для нашего современника этимологию, с одной стороны, и, с другой – имя американской актрисы *Halle Berry*, получившей имя от названия отдела универмага в Кливленде. Тем более, что на с. 147 диссертант сам говорит, что попытка реконструкции некогда, возможно, концептуального содержания имени (с этим я не буду спорить) «вряд ли поможет в установлении знаний о конкретных носителях, например, фамилий *Колумб*

(*Columbus*) и *Голубев*, этимологически идентичных, восходящих к латинскому слову *columba* (голубь)». И, кстати, почему, с точки зрения диссертанта, русский *Голубев* «этимологически восходит к латинскому слову»?

3) На с. 149 автор совершенно справедливо пишет, что иногда имена собственные «обретают словарное значение», т. е., я бы сказала, в определенных контекстах они «теряют» статус имен собственных и начинают функционировать как имена некоторых стереотипов, например, *Jack* и *John*, упоминаемые диссертантом, а также *Иван* (вспомним гитлеровскую пропаганду на фронтах Великой Отечественной войны) или *Ганс* и *Фриц* в русскоязычном дискурсе того же времени и мн. др. С моей точки зрения, вопросы, почему так происходит, какие механизмы лежат в основе данных процессов, и должны были бы оказаться в фокусе внимания диссертанта, именно их и надо было бы рассмотреть подробно, а не пересказывать материалы указанного ранее сайта.

4) Не очень понятным осталось и то, зачем диссертант уделяет столь пристальное внимание гендерной принадлежности носителя имени и грамматическим показателям рода (с. 153–156) и образованию различных форм имен (с. 156–159; 163–167). Как эти фрагменты соотносятся с темой рассматриваемого исследования?

5) Целый ряд вопросов, связанных с экспериментами, о которых диссертант пишет в главе 2.

а) На с. 170–172 диссертант приводит данные серии экспериментов со студентами-лингвистами Смоленского государственного университета. К сожалению, нигде четко не прописано: какова цель этих экспериментов, какова была процедура проведения и что конкретно они в конце концов позволили выявить.

б) На с. 179–180 диссертант приводит ряд «предположений» (замечу, кстати, очень интересных) «на основании теоретических предпосылок и практических итогов анализа экспериментальных данных». Но что это за «экспериментальные данные», как, когда и кем они были получены, автор не говорит ни слова.

в) С подобным случаем мы сталкиваемся и на с. 183: «Экспериментально было установлено, что этот стимул [сумерки – *В.К.*] примерно в 68 % имплицитно перцептивно-предметный ракурс смыслового “видения”...». Возникают вопросы: где, кем, когда, как было «экспериментально установлено»; что это за «68 %» и под.

2. К сожалению, не представляется удачной подача материала в Главе 3 «Экспериментальное исследование процесса понимания слова / текста с опорой на выводное знание».

1) Эксперименты проводились среди разных групп ии. (см. с. 194), но нигде далее в работе в анализе полученных данных не проводилось сопоставление результатов по этим группам. С чем это связано?

2) Какие стимулы предъявлялись ии.? Сколько их было? Почему именно эти? Имеются в виду стимулы, упоминаемые, напр., на с. 201–202? Но почему они даются именно там, хотя некоторые результаты оговариваются уже на с. 197? Те же вопросы касаются и экспериментов с текстами: разговор об этом начинается на с. 199, но совершенно не объясняется, какие это тексты, каков их объем, сколько их и почему именно столько и именно такие. Более-менее это начинает проясняться только на с. 262 (!).

3) Не очень понятна для меня осталась таблица 11 «Предпосылки опоры на выводное знание» на с. 200: на каком основании были выявлены эти предпосылки, на каком основании разграничивались «языковые» и «неязыковые» предпосылки (напр., почему «асимметрия когнитивной структуры благодаря выделенности отдельных контекстов осмысления значимых признаков объекта» отнесена к «языковым»)?

4) Почему для сопоставления с полученными результатами эксперимента использовался словарь 1963 года издания? Почему не были привлечены данные более поздних

изданий хотя бы того же словаря С.И. Ожегова? Разве за прошедшие 50 лет не произошло никаких изменений в сфере лексических значений, фиксируемых словарями? И не провоцирует ли это, с точки зрения диссертанта, некоторые сомнения в достоверности выводов?

5) Не очень понятны цифры, связанные с числом ии. Соответственно, возникают вопросы: имеется в виду, что на разных этапах серии экспериментов (даже в рамках одной серии) в отдельных экспериментах принимало участие разное число ии.? Если да, то почему и чем это обусловлено? И почему такой разброс: напр., то 169 ии. (с. 207), то 51 ии. (с. 210), то 630 ии. (с. 213)? В разных экспериментах принимали участие ии. всех групп (см. с. 194) или нет? Далее, на с. 242 говорится об эксперименте, в котором приняло участие 357 ии., но представляются результаты эксперимента только в группах студентов: 11 и 15 ии. Почему? Это далеко не все случаи, которые вызвали у меня вопросы, но в данном случае важно, чтобы диссертант объяснил общий принцип.

6) Почему в одном эксперименте ии. предложили «персонифицировать бланки ответов с помощью ника или значка» (с. 210)? Для чего это было сделано? И это было сделано только в одном случае? Осталось совершенно непонятным, что нужно было сделать ии. для того, чтобы «субъективно оценить “смысловой вес” их собственных реакций» (с. 211): какие / чьи ответы, «число которых превышает 1», ии. должны были «пронумеровать». И почему это было необходимо только здесь, как выяснилось (со стимулом Е. Плющенко)?

7) Не очень понятна основа (поскольку об этом нигде не сказано) формирования «цепочек и созданных из них предложений» (с. 215): кто и как их формировал? Автор диссертации? Опять-таки на каком основании? Опираясь на собственную интроспекцию?

8) Не очень понятным оказался эксперимент, в котором ии. «было предложено завершить пять стимулов-предложений»: почему именно пять? почему именно эти? для чего это было сделано и что было получено в результате? Почему в описании результатов не соблюдено требование единообразия подачи материала (ср., напр., с. 223–228, 228–231 и далее)? Практически те же вопросы касаются и еще одного эксперимента, в котором ии. были предложены всего три фразы (с. 242). Кстати, при рассмотрении полученных результатов (особенно это относится к последнему случаю) практически не учитывались синтактико-грамматическая форма предложенного стимула и пропозиция. Почему?

9) Правильно ли я поняла сказанное на с. 241, что «стратегия понимания с опорой на ВЗ» есть одновременно и «отражение роли активного субъекта», и «форма динамического воплощения смысловой установки»? И правильно ли я поняла, что, с точки зрения автора работы, пропозиция – это «как должно быть», а схема – это «как может быть» (с. 245)? Хотелось бы, чтобы диссертант прояснил свою позицию.

10) Очень любопытной мне показалась «вставная новелла» (вероятно, статья?), содержащая анализ понимания текстов Л. Кэрролла (с. 257–262). Но почему она оказалась помещенной в фрагмент, посвященный анализу экспериментальных результатов, полученных в процессе работы с ии., осталось не до конца ясным: если я правильно поняла, рассмотрение текстов Л. Кэрролла идет в первую очередь с позиции автора произведения, а в фокусе внимания в п. 3.5 находятся, как следует из названия пункта, «Модели опоры на выводное знание при понимании текста» (с. 257).

11) Анализ данных, полученных в результате эксперимента «с текстами» (с. 263–307), содержит много интересных фактов, но, к сожалению, изложен очень путано, нечетко, невнятно; только к с. 275 становится более-менее понятно, почему и зачем что-то делалось в экспериментах, включая эксперименты, о которых речь шла ранее (в том числе в гл. 2). При описании результатов опять не соблюдается принцип единообразия: почему-то на с. 264, например, отсутствует представление ключевых слов (в других случаях это есть); почему-то результаты работы только с одним текстом (четвертым – фрагмент из В.В. Набокова) описаны полно, по возможности структурировано, с предъяснением схем и

под. (см. с. 290–307). Почему? Конечно, сама идея провести комплексный сложный эксперимент заслуживает всяческого уважения, но представление результатов, к сожалению, не дает возможности в полной мере их оценить.

3. К сожалению, в тексте есть достаточно очевидные, на мой взгляд, утверждения, которые подчас подаются как результаты рассуждений автора, проведенного им исследования и под. Приведу только несколько примеров.

1) П. 4 положений, выносимых на защиту (с. 10). Он написан сложным языком, но если попытаться переформулировать написанное, то основная мысль сводится, очевидно, к следующему: если признать индивида субъектом понимания, то можно предположить, что особенности (вероятно, его индивидуальные особенности?) переработки поступающей извне информации определяют стратегии процесса понимания с опорой на ВЗ, в основе которой лежит универсальная процедура «причинно-следственного характера», которая «формируется в естественных условиях речемыслительной активности». По-моему, это вполне очевидно, хотя, может быть, я и неправа.

2) Рассуждения диссертанта об использовании различных вариантов имени в зависимости от личности говорящих и конситуации, а также предпринятая им попытка обобщения (с. 159–160; 161; 165; 167; 168 и др.) представляются опять-таки достаточно очевидными, поскольку на эту тему существует серьезная научная литература (см., напр., работы Н.И. Формановской, написанные на русском материале).

3) Утверждение автора: «Несмотря на отсутствие лексического значения, имя человека репрезентирует огромный массив разнообразных знаний...» (с. 169), – видится опять-таки достаточно очевидным, если иметь в виду не имя собственное (о нем в данном случае речь, очевидно, идти и не может), а имя прецедентное, о котором уже написано немало серьезных трудов, рассматривающих в том числе и данный вопрос (см., напр., работы Д.Б. Гудкова, Н.С. Сергеевой и др.).

4. К сожалению, в тексте встречаются странные / неудачные формулировки, которые подчас связаны с концептуальными неточностями.

1) Несколько примеров авторского стиля, который, как уже говорилось, подчас затемняет смысл высказываемых идей.

а) С. 30: «С нашей точки зрения, *важным положением* разрабатываемой *теории* представляется *выделение трех путей конфигурации* индивидуального знания по отношению коллективному: *в плане объема, содержания и отношения к интерпретируемому. Такие типы потенциальных преобразований заданы посредством трех функций языковой интерпретации: селекции, классификации, оценки*» (курсив мой. – В.К.).

б) С. 138: «*Несмотря на актуальность исследований ВЗ, продемонстрированного в обзоре научных подходов, природа данного феномена остается не ясной <...>*» (курсив мой. – В.К.).

в) С. 162: «Реализация функции интерпретации и развитие антропонимически репрезентированного концептуального содержания по стереотипо-ориентированной модели предполагает соотнесение индивидуального знания с конвенционально усвоенным, т. е. проецирование мыслительного представления о конкретном человеке на базовую основу социальных стереотипов и идеалов».

г) С. 168: «Следовательно, указание на референта посредством имени происходит при активации суммы знаний, которые связаны конкретным референтом, включая формирование образного “видения”, возможных референтов этого имени, в том числе неодушевленных, или других, которые оказываются значимыми в конкретном контексте именованья».

2) На это можно было бы не обращать особого внимания (что я и старалась по возможности делать), но, к сожалению, за столь сложно-путаным текстом стоит не всегда, вероятное, ясное понимание. Например:

«Соотнесение личности носителя имени с закрепленными в обществе стереотипами и идеалами при совпадении множества личностных оценок качеств индивида приводит к тому, что в процессе интерпретации происходит обобщение выделенных черт этого человека, актуализирующих признак, который абсолютизируется в содержании антропонимически репрезентированного концепта» (с. 163). Если перевести это на научный «общепонятный» язык: акцентируются / актуализируются наиболее важные с точки зрения культуры характеристики (при игнорировании других, менее важных), эталонным носителем которых становится носитель имени собственного.

И тут мы подходим к феномену прецедентного имени, о котором написано уже очень много работ, которые, к сожалению, игнорируются диссертантом. Можно соглашаться или не соглашаться с концепцией прецедентности в целом и прецедентных имен в частности, но вообще даже не упомянуть в данной связи имени Д.Б. Гудкова, который собственно и обозначил эту проблему в науке еще в 1990-е годы, на мой взгляд, недопустимо, тем более для докторского исследования. (Схожие ситуации мы находим на с. 168, 169 и др.)

И в связи с этим не могу не отметить, что некорректно, с моей точки зрения, ставить в один ряд имена типа *Alexander* и *Плюшкин* и рассматривать их как однотипные явления: «Фактически имя сближается с некой социокультурной универсалией, репрезентируя синонимичное, оценочно маркированное концептуальное образование. Например, “Власть”, “Успех” в случае с именем *Alexander* или “Скупость” в случае с фамилией *Плюшкин*» (с. 163). Опять-таки путаность авторского текста и игнорирование концепции прецедентности приводит к неточной, на мой взгляд, интерпретации: разве имя *Alexander* само по себе ассоциируется с концептами «власть» и «успех»? Или все-таки прецедентное имя *Alexander (the Great)*? И что автор считает «некой социокультурной универсалией», а что «оценочно маркированным концептуальным образованием»? Имя? Концепт? И на каких основаниях имя собственное может рассматриваться как концепт (что следует из текста, напр., на с. 164, 197 и др.)? Опять отсутствие четкости и ясности.

3) П. 2.3 «Метод реконструкции процесса понимания с опорой на выводное знание» (с. 187–191) содержит интересный материал, который, на мой взгляд, следовало бы значительно расширить. Этот пункт производит впечатление опять-таки «вставной новеллы» / статьи, просто инкорпорированной автором в текст диссертации. И это очень жаль, поскольку данный фрагмент написан четко, ясно, прозрачно, убедительно, но метод представлен излишне лапидарно (см. с. 190), представленные же в нем выводы (см. с. 189) не имеют широкой аргументации на страницах диссертации.

5. Текст, к сожалению, не лишен случаев неточной цитации / интерпретации / атрибуции; например:

1) на с. 41 «теория прототипов» (в определении диссертанта) почему-то приписывается Дж. Лакоффу, хотя автором рассматриваемой концепции является Э. Рош (о чем, кстати, пишет и сам Дж. Лакофф в упоминаемой диссертантом работе);

2) на с. 97 имеет место абсолютно неточная интерпретация взглядов В.В. Красных в связи с когнитивными пространствами / когнитивной базой и типами пресуппозиций: указанный исследователь никогда не ставила знак равенства между данными понятиями; на с. 126 обнаружилась еще одна абсолютно и концептуально неверная интерпретация того же автора: этот автор никогда не рассматривала текст (как таковой) как ментефакт, или элемент содержания сознания. Прецедентный текст – да, текст как таковой – нет, никогда. Следовательно, диссертант либо не очень понимает разницу, между текстом и прецедентным текстом, либо не очень внимательно читал упоминаемого автора;

3) почему-то выпал из поля зрения диссертанта Р.В. Thorndyke и его диссертация, защищенная в Стенфордском университете, посвященная вопросам понимания и запоминания текстов (см., напр., "Cognitive Structures in Comprehension and Memory of Narrative Discourse" // Cognitive Psychology. 1977, 9, p. 77–100). Мне явно не хватило ссылок на его работы, напр., на с. 127.

6. Из сугубо технических замечаний. Например:

1) первое слово в *диссертационном* тексте – «реферируемая» («Реферируемая диссертация...», см. с. 5). Что это: невнимательность, небрежность, случайно пропущенная досадная «неточность»?

2) к сожалению, текст не лишен опечаток, хотя, справедливости ради надо сказать, что они не являются принципиальными и носят явно «глазной» характер (см., напр., с. 3, 7, 8, 24, 28, 30, 35, 48, 54, 99, 115, 117, 139, 160, 162, 179, 192, 193, 195, 199, 247, 251, 256, 264, 284, 291, 311 и др.).

В заключение подчеркну, что все высказанные вопросы и замечания в целом не снижают достаточно высокой оценки обсуждаемой работы. Несмотря на приведенные, а также другие возможные вопросы и замечания, считаю, что работу следует признать *завершенным, самостоятельным и оригинальным исследованием*. Диссертационный труд О.В. Голубевой представляет собой исследование, которое, думается, внесет вклад в развитие современной науки о языке, языковом сознании, процессах понимания.

Работа соответствует паспорту заявленной соискателем специальности 10.02.19. Вынесенные на защиту положения подтверждены результатами исследования. Автореферат и 49 публикаций, 2 из которых являются монографиями, а 20 вышли в свет в изданиях, рекомендованных ВАК, полностью отражают основное содержание диссертации. Результаты исследования в должной мере апробированы на международных и российских конференциях и научных семинарах.

Данная работа соответствует критериям, указанным в п. 7 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» № 475 от 20.06.2011 и п. 9 нового Положения, вступившего в силу 01 января 2014 года. Голубевой Ольге Васильевне, автору рецензируемой работы, может быть присуждена ученая степень доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

официальный оппонент

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры общей теории словесности

филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В.В. Красных

29.11.2016

117418 Москва, ул.Зюзинская, д.4, корп.2, кв.247; тел. 8-916-562.86.00; victoryvk@gmail.com

специальность: 10.02.19

Декан

филологического факультета

МГУ им. М.В. Ломоносова

профессор

М.Д. Ремнева